

Берег и море

Я сидел на камне совсем голый и разглядывал остров.

Повернешь голову влево — и видишь груды мокрых черных скал, за которыми берег кончается. Что за скалами — неизвестно.

Справа такая же картина: будто огромный самосвал вывалил гору камней в море. Только камни эти побольше, чем слева.

Сзади — гора, заросшая кустами. Не особенно высокая, но крутая. Сквозь зелень выпирают серые каменные ребра. Несколько деревьев стоят на вершине.

Впереди — море, на которое уже не хочется смотреть. От горизонта к острову катятся волны. Чем ближе к берегу, тем выше они становятся и тоньше наверху. Потом верхушка волны перегибается вперед, закипает пеной, у береговых камней волна как бы подскакивает и с длинным вздохом разбивается в белую пыль.

Самые большие волны ухают о камни так, что под ногами вздрагивает земля. И звук от них, как из пушки.

Солнце похоже на ослепительную дыру, вырезанную в голубом небе. Из этой дыры льется такой жар, что голова кружится и гудит, как котел. Я мочу в воде носовой платок и натягиваю его на голову. По углам платка я завязал узелки, получилась шапочка. Через несколько минут она становится сухой и ее снова приходится мочить. Если бы я не делал этого, то, наверное, меня свалил бы солнечный удар. Хорошо, что я еще весной успел здорово загореть, а то бы сразу облез.

Я встал и потрогал одежду.

Рубашка почти высохла, куртка тоже, а вот джинсы по швам сырые. Майка и трусики побелели от соли и стали как накрахмаленные.

Остальные вещи тоже разложены на камнях.

Перочинный нож с двумя лезвиями, шилом, штопором, отверткой и медной петелькой на рукоятке. Лезвие, что побольше, всего в полтора указательных пальца, а маленькое — только карандаши затачивать, но это самая дорогая для меня вещь. Нож мне подарил отец в прошлом году на день рождения.

Пластмассовая расческа с футлярчиком.

Огрызок карандаша.

Две большие английские булавки, которыми я закалывал снизу манжеты брюк, когда катался на велосипеде.

Кусок капронового шнура — чуть побольше моего роста — от планктонной сетки.

Широкий ремень от джинсов со здоровенной латунной пряжкой.

Кеды на толстой белой подошве, с губчатыми белыми стельками. Я их сам покупал в спортивном магазине в Находке в прошлом году. Подобрал так точно по размеру, что они почти не чувствуются на ноге.

Нитяные носки с резиночкой наверху.

И все.

Больше у меня ничего нет.

Я разложил вещи на камнях, чтобы они просохли.

Скоро меня найдут. Может быть, сегодня или завтра. Обязательно будут искать. Правда, они не знают точно, где меня смыло с катера. Но отец, конечно, не успокоится, пока меня не найдет.

Я поморщился: долгая будет у них работа. На карте в этом архипелаге три больших острова

и штук тридцать маленьких. А некоторые, наверное, и вовсе не обозначены.

Я снова посмотрел вокруг.

Волны подскакивали и кипели справа и слева у скал. Солнце слепящими зайчиками отскакивало от зыби. В бухточке вода поднималась и опускалась с длинным чмокающим звуком. Вдали море затянуло легкой мглой. Тянул ветер, но прохлады почти не чувствовалось.

Хорошо, что под руки подвернулся ящик, в который мы складывали губки и морских звезд. Его смыло вместе со мной. Я сразу его заметил, как только вынырнул. Он крутился в кильватерной струе недалеко от меня. Уцепившись за ящик, я ухитрился стянуть с ног кеды — хорошо, что, выскочив из каюты, не зашнуровал их. Засунув кеды в ящик, я поплыл к берегу, прямо как в учебном бассейне, держась за доску.

Плыть было нетрудно. Волны шли высокие, но плавные. Я взлетал на водяной вал, застывал на две-три секунды на его вершине, а потом быстро скользил вниз, в сине-зеленый, подернутый морщинами провал, из которого несло соленым ветром. Ящик отлично держал меня, я только ногами направлял его ход. Все было бы нормально, если бы через несколько минут я не начал замерзать. Чтобы согреться, я время от времени начинал изо всех сил работать ногами и свободной рукой.

Вода в море холодная, даже летом температура не поднимается выше семнадцати — попробуй поплавай долго в такой! Меня спасали джинсы и куртка, они, как гидрокостюм, немного держали тепло. А в одежде я и до этого пробовал плавать — просто так, ради интереса: выйдет или нет.

Взлетев на очередную волну, я поднял голову, чтобы посмотреть, далеко ли берег, и мне стало

нехорошо от того, что я увидел. Даже назад захотелось, в открытое море.

Впереди дымилась стена воды и пены с двухэтажный дом. Пока я держался на вершине волны, увидел, как эта стена опала и из белого месива выпрыгнули щербатые, черные зубья скал. Пена схлынула, открыв дно у берега, и в этот момент я начал скатываться в долину между валами.

Идущая впереди водяная гора закрыла все, а я ослаб от страха. Я представил, что сейчас произойдет. Все получится очень просто: вода опустится в тот момент, когда я буду над черными зубьями, и меня размажет на них...

Снова я взлетел вверх, увидел клочья летящей пены, услышал клекот и свист рассыпающейся в брызги воды и вдруг упустил ящик. Его косо понесло в сторону: течение шло здесь вдоль берега. Я рванулся вперед так, что чуть руки не вывернул в плечах. Волна накрыла меня с головой, я потерял из виду и берег и ящик, просто изо всех сил колотил ногами по воде и греб как сумасшедший до тех пор, пока пальцы снова не уцепились за гладко оструганный край. И тут меня начало поднимать,

и я понял, что это значит. Между мной и скалами не было больше ни одной волны.

И тогда я зажмурил глаза, сжался и стал ждать удара, последнего, ТОГО САМОГО.

Ну что я мог сделать? Никаких сил не оставалось. Тут даже пароход не выгреб бы на глубину.

Когда вода начала опускаться, я открыл глаза, увидел какие-то мутные тени, бегущие в глубине подо мной, потом голова выскочила на воздух, по глазам резануло солнце, берег качнулся, ящик глухо шваркнулся обо что-то, я больно налетел на него грудью и почувствовал животом камни. Не те, острые, а другие, скользкие, будто намыленные. Пена пронеслась вперед, с шипением покрыла берег, а я всем телом прижался к этим осклизлым камням, вцепился пальцами в жесткие лохмы водорослей и ждал, когда все хлынет назад. И когда у головы снова запенилась отбегающая вода, я, сбивая колени, ссаживая о водоросли ладони, пополз вперед. За спиной ухнуло, сильно поддало под зад — и я вместе с пеной и ящиком вылетел в кучу гнилых водорослей. Меня зарыло в буро-зеленую слизь, но я знал, что следующим валом меня может снова утащить в море, поэтому постарался убраться подальше от линии прибоя.

И вот...

Я встал и потрогал джинсы.

Материя была горячей от солнца. Кеды тоже просохли и сильно воняли резиной.

Я оделся, рассовал по карманам свое имущество и пошел искать пресную воду. Пить хотелось до одурения.

Остров

Я еще никогда не ходил по такой земле.

Собственно, никакой земли не было. Сплошные камни, в щели между которыми непрерывно проваливались ступни. Идешь, будто влезаете на гору булыжников.

Но впереди среди этих камней росли кустики. Значит, они все-таки цеплялись корнями за какую-то землю! Я старался поскорее добраться до кустов. Наверное, около них ровнее и прохладнее.

...А вдруг на острове не обнаружится воды, я высохну и медленно загнусь от жажды?

Нет, нет, только не это.

Если есть трава, и кусты, и деревья, должна быть и вода. Иначе что же они пьют?

Вот наконец и кусты. Еле дотащился до них.

Но почва не стала ровнее. Кусты поднимались прямо из промежутков между камнями. Так же из щелей росла трава. С каждым шагом она становилась все гуще и скоро поднялась мне по пояс. Идти стало еще труднее. Теперь я не видел камней, на которые ступал. А они неожиданно поворачивались под кедами, и я несколько раз упал, ударившись боком и коленями. Как бы вообще не вывихнуть ногу!

У одного куста с прямыми и длинными ветками я остановился, вынул из кармана нож и вырезал палку в свой рост. Теперь я ощупывал палкой зелень впереди себя, прежде чем ступить на нее ногами.

Чем дальше от моря, тем жарче становилось вокруг. Влажный воздух застоялся между кустами

и травами. Душно пахло прелыми листьями и распаренной зеленью. К потной шее с противным звоном прилипали комары. Я давил их рукой. Скоро ладонь стала красной от крови. Шея горела, будто ее натерли наждачной бумагой.

На ветках одного куста я увидел длинные темно-красные ягоды, похожие на крупные капли. Кизил, что ли? Да нет, кизил в Приморье не растет. Что-то другое. Я попробовал одну. Сочная, с чуть заметной кислинкой. Нарвал целую горсть и стал есть на ходу.

Я шел к горе. Вершину ее закрывали кусты, но я знал, что направление правильное, — почва под ногами медленно повышалась.

Путь преградила обросшая густым мхом каменная плита. Наверное, это было одно из ребер горы, которые я видел снизу. Кусты здесь росли высокие, и чувствовался ветерок. Он отдувал комаров, и в этом месте я решил отдохнуть. Нашел удобный выступ, присел на него. Травы и какие-то растения с широкими, сильно изрезанными листьями и крупными белыми соцветиями стояли вокруг. Чуть слышно шелестела трава. От ягод, которых

я наелся, чем-то вязким обложило язык. Да я еще несколько раз хватанул ртом соленой воды, пока плыл...

Я соображал, где можно отыскать воду. Плита недаром снизу обросла мхом. Мох любит сырость.

Я опустил на колени и пощупал почву под плитой руками. Вроде сыро. Обошел плиту справа, слева. Нет, ничего. А ноги уже просто не держат. Кажется, подломятся, свалишься и заснешь под этим легким ветерком, дующим с вершины горы. А может, и правда заснуть? Во сне и пить не так хочется. Отдохну немного и снова пойду искать.

Я снял куртку, бросил ее на плиту и лег. Глаза закрылись сами собой. И сразу же в голове полетели утро, темная каюта, борода отца, торчащая из-под простыни... шипящий накат воды за стеклом иллюминатора... захлопнувшаяся за спиной дверь... катер у острова... мокрые леера*, за которые я цеплялся... волна, которая несла меня к острову... ящик, ныряющий как поплавок... уменьшающаяся корма катера... черные зубы скал и белая пена... гнилые водоросли, на которых я лежал как червяк... сушка одежды...

На мгновение я приоткрыл глаза, устраиваясь удобнее на куртке. Пчелы звенели над шапками цветов. И сквозь сонный шорох травы просачивался еще какой-то чуть слышный, но очень знакомый звук. Я задержал дыхание. Кровь пульсировала в ушах; тук-тук, тук-тук — стучало сердце, и к этому прибавлялось еще тихое: тринк-тинк... тинк-тинк-тинк-тин...

Меня словно сдуло с куртки.

* Леер — туго натянутый трос, используемый на судне в качестве ограждения или для крепления парусов.

Я спрыгнул с плиты и бросился налево, откуда слышался звук. Шагах в десяти из зеленой трещины во мху тек ручеек. Немного подалее он разливался в озерцо, похожее на осколок неба, упавший на землю.

Надо же!..

Я плюхнулся у озерца на колени и пил до тех пор, пока не начало ломить зубы и за ушами. Потом окунул в небесную глубину опаленное комарами лицо.

Что может быть лучше в жару, когда все внутри свернулось, как белок, и прикипело к ребрам! Пьешь и чувствуешь, как по телу льется прохлада, как перестает стучать в голове, и мир вокруг уже не плывет, а становится нормальным и даже красивым!

Если бы озерцо было побольше, я выкупался бы в нем. Но в бочажок* помещались только голова, плечи и руки, и я плескал на себя темноватую моховую воду, пока не замерз.

Ну и родник! Надо запомнить место и приходиться сюда, когда захочется отдохнуть.

Я срезал палку, наломал веток и связал их травяным жгутом. Насадил пучок на палку и воткнул ее в каменную щель во мху. Метлу было далеко видно, но я запомнил еще несколько ориентиров: камень, три одинаковых куста и дерево вниз по склону, там, откуда я пришел.

Потом перелез через моховую плиту и снова начал подниматься к вершине. Не терпелось узнать, большой остров или маленький. Когда я рассматривал лоцманскую карту этого района, некоторые были величиной с булавочную головку. Какова же эта булавочная головка на самом деле?

* Бочажок — уменьшительно-ласкательное от «бочаг». Так называют глубокую лужу, яму с водой.

Склон становился все круче. Начался лес. Настоящий лес, который снизу я принял за большие кусты. Ноги заскользили по жирному мху. Сколько его здесь! Казалось, все свободные от деревьев места покрыты темно-зеленым, пахнущим плесенью ковром. Иногда на мху лежали стволы упавших деревьев. Когда я начал перелезать через такой ствол, он вдруг провалился под моими ногами и я упал грудью в сырую труху. Я вскочил и увидел, что от ствола остался темно-коричневый валик влажного праха. Отряхнул его с куртки и джинсов и удивился: как может так согнуть большое дерево?

Теперь, если на пути попадался лежащий ствол, я просто пинал его и проходил насквозь.

Скоро я нашел второй источник воды, потом третий. Оказалось, на острове пресной воды полно. А я-то боялся!

Ближе к вершине начали попадаться деревья, похожие на сосну. А трава стала низкой, будто подстриженной. И камней меньше.

Последние тридцать — сорок шагов я уже не шел, а полз, так было круто. И мох здесь не рос. Верхушка горы состояла почти целиком из монолитного черно-серого камня.

Здесь всего три дерева. В одном из них я узнал дуб. Он рос кряжистый, однобокий, перекошенный ветром. Толстенная ветка отходила от ствола в сторону почти под прямым углом. Ниже торчало два очень удобных сучка. Я сразу же хотел влезть на дуб и осмотреть горизонт, но, подойдя к морщинистому стволу, увидел, что этого делать не надо.

Отсюда, из-под дуба, весь остров лежал подо мной, как географическая карта в атласе.

Совсем небольшой. Вытянутый наподобие лодки. В той стороне, где у лодки нос, далеко в море уходила узкая полоса камней. Вода там была белой,

будто туда нанесло лед. Я догадался, что это пеняется среди камней волны.

Другая сторона острова слегка закруглялась — ну прямо корма. Два каменистых мыса выдавались в море справа и слева от «кормы», образуя бухточку, и я сразу узнал место, куда меня принесло вместе с ящиком. Присмотревшись, я даже увидел камень, на котором сидел, пока сохла одежда.

Здорово повезло! Если бы меня смыло с катера в стороне «носа», я ни за что бы не вылез на берег. Там меня действительно размолото бы среди камней...

По правой стороне острова от «кормы» до «носа» тянулась узкая, усыпанная большими камнями отмель. В некоторых местах камни поднимались так высоко, что берег становился непроходимым. Хотя нет, все равно вровень с водой шла ленточка более ровного места. Там, наверное, можно пройти вдоль всего берега.

Левая сторона сплошь заросла деревьями.

Горизонт замыкался вокруг острова огромным туманным кольцом. И нигде — ни слева, ни справа, ни позади — не было видно ничего, кроме голубовато-серой глади моря и очень синего неба над головой. И солнца, которое жгло. Правда, наверху зноя и духоты не чувствовалось — здесь гулял ветер, который налетал на остров, казалось, со всех сторон сразу. Сначала это было приятно: ветер, нет духоты, нет комаров, которые жалят до волдырей. Но через несколько минут я замерз.

Больше на вершине делать было нечего.

Я подобрал палку и начал спускаться к роднику.